

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ США В ПОСТСОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ М. КОРЕНЕВОЙ И Е. СТЕЦЕНКО

А. Л. Церковский

Кандидат филологических наук,
Белорусский государственный
педагогический университет
им. Максима Танка,
г. Минск, Беларусь

Summary. The article provides an analysis of the main aspects of the critical study of early US literature in post-Soviet literary studies using the works of literary critics by M. Koreneva and E. Stetsenko as an example. The author concludes that the analysis of the artistic features of early American literature in the light of its spiritual and moral potential continues the tradition of studying US literature through the lens of its Protestant heritage.

Keywords: early American literature; post-Soviet literary studies; M. Koreneva, E. Stetsenko.

Анализу американской словесности XVII в. посвящены современные исследования доктора филологических наук М. Коренева, в частности, раздел «Сочинения ново-английских пуритан. Миссия и историческая реальность» в пятитомной «Истории литературы США» [1].

М. Коренева дает весьма точную характеристику *региональной специфике* формирования американской литературы: «Именно в Новой Англии <...> появилось подавляющее большинство произведений, и поныне представляющих с той или иной точки зрения историко-литературный интерес» [1, с. 149].

Рассуждая на тему эстетики пуританского творчества, М. Коренева отмечает, что «...эстетические воззрения вырабатывались не на основе умозрительного усвоения и переработки эстетических теорий предшествующих эпох или современных, а непосредственно в живой повседневной практике» [1, с. 149]. Литературовед глубоко осмысливает взаимодействие религиозных и гражданских идей в сознании пуритан, рассуждает на тему формирования художественного образа в религиозной картине мира жителей Новой Англии. Впрочем, многое М. Коренева объясняет исключительно «идеологии пуританства», что, на наш взгляд, является не вполне корректным, ведь именно «идеология» и запрещала пуританам выражать альтернативные их мировоззрению идеи. Такая культурная динамика (*запрет и его отрицание*) послужили своеобразным катализатором в формировании уникальной литературной традиции США.

Одной из самых сложных тем для анализа в американской литературе XVII в. является изучение художественных особенностей новоанглийской словесности. М. Коренева сумела задать научный вектор в размышлениях о специфике образной системы ранних американских писателей: «Избрав своим главным инструментом слово, авторы-пуритане

положили его в основу образной системы, проявив высокую чувствительность к выразительным возможностям языка. В их сочинениях это проявилось как в широком применении правил риторики и красноречия, так и в активном использовании фигуративной речи, литературных тропов и выразительных словесных образов» [1, с. 151–152]. Нужно отметить, что М. Коренева дала наиболее развернутое в отечественном литературоведении описание жизни и творчества раннего американского писателя Т. Шепарда.

Исследование Е. Стеценко «Хроники и описания. Формирование светской литературной традиции» (раздел коллективной монографии [1]) можно считать классическим критическим трудом, посвященным проблемам ранней литературы США. Литературовед анализирует многочисленные хроники, представленные в новоанглийской словесности. Центральная тема – характеристика философско-религиозных истоков этой литературной традиции: «Путешествие “за тридевять земель” наделяется необходимыми атрибутами сказочного мира, где ведется извечная борьба светлых и темных сил. Герои находят прекрасную страну, пройдя через жестокие испытания, преодолев все препятствия, сразившись с чудовищами» [1, с. 112]. Е. Стеценко отмечает, что «...стало появляться немало сочинений, ставивших целью привлечение будущих колонистов» [1, с. 113], и это, по нашему мнению, важное замечание, так как подобные художественно-документальные тексты, имея некоторую мессианско-маркетинговую функцию, были важной частью формирующейся американской литературы. Ученый прослеживает, что вскоре после заселения колонии «...установилась определенная композиционная структура текстов с последовательным переходом от темы к теме» [1, с. 113], а это, подчеркнем, способствовало развитию *беллетристического мышления* молодых писателей Нового Света.

Обобщая свой исторический экскурс, сопровождаемый объяснением феномена формирования светской литературной традиции в Новой Англии, Е. Стеценко пишет: «Именно обостренное ощущение меняющейся действительности, возможного выбора, вмешательства в ход истории способствовали тому, что внутри колониального сознания уже в XVII веке началось становление сознания национального» [1, с. 146].

Анализ художественных особенностей ранней американской литературы в свете ее духовно-нравственного потенциала продолжает традиции изучения литературы США через призму ее протестантского наследия. Отголоски идеологических моделей пуританизма, пусть в редуцированном и модернизированном виде, продолжают оставаться актуальными и поныне.

Библиографический список

1. История литературы США : в 7 т. / Инст. мировой лит-ры им. А. М. Горького РАН ; редкол.: Я. Н. Засурский, М. М. Коренева [и др.]. – М. : Наследие, 1997. – Т. 1 : Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость XVII–XVIII вв. / М. М. Коренева [и др.]. – 1997. – 830 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР РАССКАЗА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ОБЛАКО, ОЗЕРО, БАШНЯ»

Е. В. Чепкасов

*Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. This article analyzes the complex and refined symbolism, as well as the system of images of Vladimir Nabokov's story "Cloud, Lake, Tower".

Keywords: Vladimir Nabokov; "Cloud, Lake; Tower"; Evgeniy Chepkasov; symbolism.

Обратимся к сюжету рассказа Владимира Набокова «Облако, озеро, башня». На первый взгляд, он прост: берлинский служащий русского происхождения выигрывает в благотворительную лотерею увеселительную поездку, пытается получить ее стоимость, но, столкнувшись с бюрократическими препонами, решает ехать, чтобы не пропадать добру. Во время этой поездки он мучительно переживает соседство пошлых германских попутчиков, которые мешают ему наслаждаться прекрасным и пытаются втянуть его в круг своих личнейных интересов. Наконец, он видит дивный пейзаж, те самые облако, озеро, башню, и решает остаться там, но попутчики силой увлекают его прочь, по утвержденному маршруту. По пути в Берлин они всячески истязают героя, и он, вернувшись и рассказав эту историю начальнику, от лица которого и ведется повествование, просит его отпустить и получает такое разрешение.

На второй взгляд, простота начинает оборачиваться сложностью и немисливо углубляться. Итак...

1. Рассказчик и герой.

Рассказчик, т.е. персонаж, от лица которого ведется повествование, почти остается за границами рассказа. Он возникает в первом и последнем абзацах рассказа, тем самым образуя закольцовку. Что же мы о нем узнаем? Он характеризует себя, давая характеристику главному герою: «Один из моих представителей, скромный, кроткий холостяк, прекрасный работник... Я сейчас не могу вспомнить его имя и отчество. Кажется, Василий Иванович». И в конце: «По возвращении в Берлин он побывал у меня... Я его отпустил, разумеется». В середине тоже есть малый вброс информации